

Язык и проблематика политической науки Древнего Рима

Вититнев С.Ф.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва,
Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

В статье рассматривается язык политической науки Древнего Рима, этапы его становления. Авторы опираются на тексты древнеримских авторов. История развития языка политических учений в Древнем Риме, изначально представлявшего собой совокупность слов, выражений, понятий, во многом почерпнутых из различного рода мифологических сюжетов, а уже к I веку до н.э., обретает терминологическую упорядоченность и как следствие – предстает как незаменимое средство описания и анализа политических феноменов, рассмотрения и познания их в самых разных аспектах. Римская политическая наука в своем движении по пути познания политики как одного из наиболее значимых созидательных феноменов, изначально отталкивалась в своих исканиях от проблематики, обозначенной греческими философами, используя выработанные ими понятийно-категориальный аппарат и терминологию, достигли впечатляющих результатов.

Ключевые слова: Древний Рим, греческие и римские мыслители, язык, политическая наука, лексика, вокабулярий, понятийно-категориальный аппарат.

Для цитаты: *Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.* Язык и проблематика политической науки Древнего Рима [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 35–48. DOI:10.17759/langt.2022090103

The Language and Problems of the Political Science of Ancient Rome

Sergey F. Vititnev

Moscow Region State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva

Moscow Region State University, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

The article examines the language of political science of Ancient Rome, the stages of its formation. The authors rely on the texts of ancient Roman authors. The history of the development of the language of political teachings in Ancient Rome was originally a collection of words, expressions, concepts, largely drawn from various kinds of mythological plots. And already by the I century BC, it acquires terminological order and, as a result, appears as an indispensable means of describing and analyzing political phenomena, considering and cognizing them in a variety of aspects. Roman political science, in its movement along the path of cognition of politics as one of the most significant creative phenomena, initially started in its search from the problems identified by the Greek philosophers, using the conceptual and categorical apparatus and terminology developed by them, achieved impressive results.

Keywords: Ancient Rome, Greek and Roman thinkers, language, political science, lexis, vocabulary, conceptual and categorical apparatus.

For citation: Vititnev S.F., Shmeleva A.V. The Language and Problems of the Political Science of Ancient Rome. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 35–48. DOI:10.17759/langt.2022090103 (In Russ.).

Введение

Язык науки – инструмент познания истины, его совершенствование, связанное с возникновением новых понятий, значение которых закрепляется посредством определенных терминов, что является выражением развития науки, свидетельством приращения объемов научного знания, и говорит о наличии исследовательских проблем, требующих незамедлительного решения, итогом чего и становится обогащение научного вокабулярия новыми лексическими элементами.

Применительно к социальным наукам стимулом к тому выступают изменения, происходящие в обществе в ходе его исторического развития под воздействием различных факторов, нередко задающих им весьма высокую динамику. Потребность в познании этих изменений, их описании и выявлении существенных характеристик требует постоянного вовлечения в научный оборот новых категорий, понятий, терминов, что ведет к заимствованию слов из естественного языка, используемых для обозначения определенных социальных, в том числе и политических отношений, процессов, явлений.

Политическое знание возникает на определенной стадии существования общества, в условиях усложнения социальных отношений, содержание которых определялось появлением классов, классовой борьбы, наличием института государства, государственных форм власти, что и порождает сам феномен политики, а значит и открывает возможность для его познания. При этом специфика последнего определялась тем, что, если первоначально оно осуществлялось на уровне обыденного сознания, преимущественно в религиозно-мифологической форме, то по мере накопления знаний об особенностях функционирования политической сферы жизнедеятельности общества, все более отчетливо начинает просматриваться рационалистическая тенденция, во многом обусловившая характер политической терминологии, послужившей распространению в ту или иную эпоху в

определенном государстве, в творчестве конкретного политического мыслителя.

В этом отношении показательна история развития языка политических учений в Древнем Риме, изначально представлявшего собой совокупность слов, выражений, понятий, во многом почерпнутых из различного рода мифологических сюжетов, а уже к I веку до н.э., обретает терминологическую упорядоченность и как следствие – предстает как незаменимое средство описания и анализа политических феноменов, рассмотрения и познания их в самых разных аспектах. Подобного рода изменения в значительной степени были обусловлены культурным влиянием со стороны Древней Греции, где заметно раньше, чем в Древнем Риме начинает формироваться система научного знания. Это нашло отражение в философских, в значительной степени синкретических по содержанию учений, авторами которых выступал целый ряд выдающихся мыслителей. Применительно к политической проблематике, в первую очередь, здесь следует назвать имена Сократа, Платона, Аристотеля, Зенона, размышлявших о причинах возникновения государства, правильных и неправильных форм правления, идеальном государстве как воплощении разума, сущности политики, целях политической деятельности, значении позитивных и так называемых естественных законов на деятельность людей и судьбу государств [8].

Теоретические построения, методологические подходы, понятийный аппарат, представленные в произведениях этих авторов стали объектом пристального внимания и обстоятельного изучения со стороны представителей формирующейся политической науки Древнего Рима. Подтверждением тому служат размышления Марка Тулия Цицерона о государстве и законах; ранних римских стоиков – Сенеки, Марка Аврелия и Эпиктета о свободе, судьбе, нравственных качествах, которыми должны обладать носители государственной власти, Полибия о закономерностях смены форм правления.

Органичность и, как следствие, научная значимость такого рода заимствований, а в широком плане – речь идет о культурной рецепции, имевшей место во взаимоотношениях Рима и Эллады на протяжении всех веков их существования, определялась целым рядом обстоятельств. В первую очередь речь идет о сходстве типов цивилизационного развития, в научной литературе обозначаемых понятием «античность». И Древняя Греция, и Древний Рим имели выход к Средиземному морю, что во многом определило специфику их социально-экономического и политического устройств. Ими был достигнут чрезвычайно высокий для Древнего мира уровень организации социально-политического устройства, в основе которого лежал рабовладельческий способ производства, а на ранних стадиях становления государственности утверждается полисная система, качественно отличавшаяся от древневосточных деспотий с азиатским способом производства, утвердившихся во многих странах той далекой эпохи. При этом греки, став на путь цивилизационного созидания раньше римлян, начинают активно осваивать Средиземноморье, создают свои колонии в южной Италии и на Сицилии, оказывая заметное влияние на формирование римской цивилизации.

Культура Древней Греции в формировании римской цивилизации

Вполне закономерно, что греческие боги в сознании римлян начинают выступать как сакральные аналоги богов италийского пантеона, как и то, что в середине V века до н.э. из Рима в Афины была направлена делегация, имеющая поручение ознакомиться с законодательством греческого архонта-реформатора Солона с тем, чтобы представленные там правовые нормы использовать при написании римских законов. В этом же ключе можно

истолковать тот факт, что греческий язык уже со второй половины III века до н.э. получает в Риме широкое распространение. Им свободно владеют все известные политики, такие как Цезарь, Помпей, Октавиан Август. На нем пишут свои труды римские авторы, обращавшие свои взоры к трудам греческих мыслителей. Как пишет в этой связи И.М. Тронский, «римские историки с конца III в. до н.э. в Риме стали появляться писатели-«анналисты» (анналы – годовые записи. – примеч. С.В., А.Ш.), которые в форме погодной хроники рассказывали о событиях римской истории», а их произведения «были обращены к эллинистическому миру и писались по-гречески» [16; с.580]. Помимо этого, по замечанию ученого, «в самом Риме непрерывно растет число греческих риторов и философов», что привело к тому, что «целый ряд “интеллигентных” профессий был как бы монополизирован греками» [16; с.580].

Однако было бы ошибкой рассматривать римскую культуру как нечто производное от греческой, а римских авторов, в том числе сделавших предметом изучения сферу политических отношений, как простых эпигонов, озвучивавших не ими высказанные мысли, использовавших не ими сформулированные понятия и термины. Как подчеркивает в этой связи С.Л. Утченко, «неправомерна точка зрения, согласно которой «греческая (или шире эллинистическая) культура, как культура более «высокая», оплодотворила римскую, причем последняя тем самым уже признается и несамостоятельной и эклектичной» [18; с.216]. Справедливость этого критического замечания определяется тем, что, во-первых, греческое влияние на римскую культуру было несущественным, поскольку, по мере расширения пределов римского государства, все более отчетливее начинает просматриваться восточное влияние. Во-вторых, а это главное, римские политические мыслители строят свои теории, опираясь на идеи, высказанные греческими авторами, преимущественно в условиях, когда Рим, перерастает свою полисную государственность и превращается в великую державу, сперва регионального, а затем мирового уровня, занимавшую огромную территорию, на которой проживали многие народы, принадлежащие к разным культурам и конфессиям. Это определило специфику политической мысли той поры, существенным образом отличая упомянутые теории от тех, что имели место в эпоху расцвета греческой полисной системы. Данное обстоятельство задавало направленность последующего движения мысли и характер сделанных выводов. При этом более высокий уровень развития материального производства, имевший место в Риме по сравнению с греческим, усложнение общественно-политической жизни потребовали усовершенствование понятийно-категориального аппарата, увеличение числа терминов, находящихся на вооружении политической науки, что позволило более точно и глубоко описывать, характеризовать, раскрывать специфику, социальную природу разнообразных политических явлений и процессов.

Такого рода потребность способствовала тому, что политическая лексика начинает обогащаться словами, присутствующими в повседневной речи, по мере использования их при написании текстов или произнесение публичных выступлений политического содержания, они начинают приобретать дополнительное значение и коннотации, становятся инструментом освоения новой политической проблематики.

Примечательно, что обретение римской политической мыслью новых черт, большей частью сопряженных с ростом ее познавательных возможностей сочеталось с устойчивой разработкой ряда проблем, которые в представлении римских авторов были наиболее значимыми и требующими научного и соответствующего потребностям общественной

жизни решения.

Что же касается конечных результатов соответствующей научной деятельности, то они определялись исторической стадией развития римского общества, характером политической ситуации, сложившейся в государстве, а также теоретико-методологическими, моральными, политическими установками, приверженность которым обнаруживает конкретный политический мыслитель. К числу упомянутых проблем, в первую очередь, относились касающиеся происхождения государства и его деятельности определения лучшей формы государственного устройства, качеств, которыми должен быть наделен правитель государства и его подданные. Многие из них были обозначены еще греческими философами, заложившими необходимые для их решения теоретические основы, сделавшими первые шаги в разработке ключевых понятий и терминов, которые вошли в научный вокабуляр римских авторов. Последние со временем стали заменять их в ряде случаев лексическими единицами латинского происхождения, так, термин «ректор» стал «лексическим эквивалентом греческого “политикос”» [18; с.308]. Более того, по мере развития в Риме различных направлений гуманитарного знания латынь превращается в язык «высокой» науки, отесняя на второй план греческий язык. Как указывает И.М. Тронский, уже с середины II в. до н.э. римские историки (которые совсем не были чужды политической проблематике) при написании своих произведений стали пользоваться латинским языком [16; с.580].

С другой стороны, по мере роста державной мощи Рима история его государственности, специфики функционирования политических институтов, причины, определившие длительность их существования, становятся предметом изучения греческих авторов, которые после превращения Греции во II в. до н.э. в римскую провинцию, в своем творчестве все чаще начинают опираться на материалы политического, философского, исторического характера, имеющие римское происхождение. В этом отношении показательна деятельность Полибия, греческого ученого и политического деятеля, долгие годы прожившего в Риме, автора произведения «Всеобщая история», в котором он рассматривает закономерности развития различных государств. При этом для обозначения факторов, задающих направленность происходящих событий, он использует понятия «судьба» и «природа», подчеркивая, что все государства в своем развитии проходят стадии возрастания, расцвета и упадка» [14]. Однако некоторые государства, подчиняясь велению судьбы, прекращают свое существование достаточно быстро, в то время как другие достигают величия и пребывают в подобном состоянии долгие века, что есть следствие правильности их государственного устройства, примером чему может служить Рим. На основе этого исходного тезиса Полибий создает учение о происхождении государства, о закономерностях, определяющих круговорот его форм и той из них, что может считаться лучшей.

Политические концепции Древнего Рима

Связывая возникновение государства со стремлением людей найти в его лице ту силу, которая поможет им преодолеть слабость и незащищенность, свойственные им в естественном догосударственном состоянии, Полибий, находясь под влиянием взглядов Платона и Аристотеля, заимствуя у них ряд политических терминов, называет правильные и неправильные формы государственного устройства, которые последовательно сменяют друг друга. К первым он относит царскую власть, аристократию и охлократию. Отмечая, что переход правильной простой формы в неправильную закономерен, Полибий утверждает о

необходимости замедления подобных превращений. Согласно его выводу, преимущества, присущие простым правильным формам государства должны найти свое воплощение в сложной смешанной форме, образцом которой является форма государственного устройства в Римской республике, где имеет место гармоничное сочетание трех властей – монархической, аристократической и демократической [17; с.25]. Это и обеспечило возвышение и державное могущество Рима, чему способствовало так же утвердившиеся в этом государстве обычаи, законы и нравы.

Названные положения перекликаются с теми, что были выдвинуты знаменитым римским юристом, оратором, политическим деятелем Марком Туллием Цицероном. Подобно своим предшественникам, Аристотелю и Полибию, Цицерон выделял правильные и неправильные формы государства. К первым он относил власть царей (монархию), власть оптиматов (аристократию) и власть народа (демократию). Отмечая их неустойчивость и склонность к перерождению, подтверждением чему служит то, что у царей власть отнимают тираны, у тиранов – оптиматы или народ, а у народа – их кланы (олигархия), Цицерон приходит к выводу о превосходстве над всеми прочими смешанной формы государства. Подобно Полибию, он рассматривает ее не как некий утопический проект, а как реально существующее государство – римскую аристократическую республику, которая, по словам А.М. Браговой, для него предстает как идеальная форма правления [2; с.94]. Оценивая вклад Полибия и Цицерона в разработку теории «смешанного государственного строя», А.М. Брагова подчеркивает, что первый из них применил созданную еще Платоном и Аристотелем греческую классификацию форм государственного устройства, а второй, будучи глубоким знатоком политических реалий римской жизни, наполнил ее конкретным римским содержанием [11].

Научное творчество Цицерона и его политическая деятельность приходятся на первую половину и середину I в. до н.э., время, когда римская аристократическая республика погружалась в состояние глубокого кризиса. Как отмечал Г.С. Кнабе, начиная с рубежа I века в Риме «постоянно и почти одновременно шли крупные внешние войны, войны междоусобные и гражданские, сопровождавшиеся взятием Рима то одной партией, то другой, резней на улицах», а в разных частях страны происходили восстания» [12; с.10]. Политическая специфика данного периода римской истории способствовала тому, что предметом внимания и исследования у Цицерона выступает широкий круг проблем, многие из которых ранее, в иных условиях просто отсутствовали, либо не обнаруживали себя в полном объеме и грядущей беспрецедентной остротой.

Вместе с тем, обращаясь к вопросам, определявшими проблематику античной политической мысли, Цицерон, беря за основу высказанные до него идеи и суждения, развивает их, нередко предлагая несколько иную трактовку, а также привнося в политическую лексику новые понятия и термины. Примером тому может служить истолкование Цицероном причин, приведших к возникновению государства. Если изначально это событие он связывал с силой красноречия, способствующей объединению людей в рамках государственной организации, затем в качестве причины, подобно Полибию, называл слабость людей и невозможность в одиночку противостоять всякого рода опасностям, то в диалоге «О государстве» он вкладывает в уста одного из собеседников утверждение, согласно которому государства – следствие врожденного стремления человека к общежитию, что перекликается с точной зрения Аристотеля [19; с.135]. Государство,

согласно Цицерону, – достояние народа, а народ – это соединение людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов [20]. При этом Цицерон, говоря о государстве, отказывается от использования таких терминов как «регнум» (*regnum*), посредством которого обозначалась власть царя, и «цивитас» – городская община. Это объяснялось тем, что была выдвинута концепция, согласно которой государство – это не только сообщество людей, правителя и граждан, приверженных общим моральным ценностям, подобно тому как оно рисовалось в учении Аристотеля, но и правовое общение (*juris societatis*), основанное на наличии общего интереса. Соответственно, в условиях кризиса римской государственности концепция эта была направлена на ее укрепление, что предполагало осуществление политического управления на принципах справедливости, утверждаемой на основе норм естественного права. Исходя из этого, Цицерон использует понятие «государство» – «республика», определяемое как достояние (дело народа): *res publica est res populi*.

Ранее термин «*res publica*» означал «имущество», но в трактовке Цицерона – это система отношений, объединяющих граждан, а потому она и выступала как достояние народа. По утверждению А.М. Браговой, республика в этом смысле предстает как смешанная конституция, где *potestas* (*potestas* – официальная власть) представлена магистратом (должностным лицом) *auctoritas* (приказание, предписание, исполнительная власть) – аристократам, *libertas* (свобода) [3]. Согласно же замечанию А.Б. Егорова, ссылающегося на зарубежные публикации, «термин “*res publica*” не всегда и не во всем соответствовал его современному значению», поскольку в понимании римлян он означал не республиканский строй или коллегиальное управление, а государство вообще», альтернативой ему был термин «*nulla res publica*» [11; с.35]. Отказываясь признавать наличие объективных причин кризиса республиканской формы правления в Риме, Цицерон, упоминая в своих речах о «прискорбном положении государства», склонен был видеть в этом влияние субъективного фактора, выступая за обретение мира и спокойствия, используя термин – *otium* [4; с.46], который в ином смысловом контексте может переводиться как «досуг, праздность» [10; с.56].

Не желая видеть объективные основы кризиса республиканской государственности в Риме, Цицерон, упоминая в своих речах о «прискорбном положении государства», склонен был видеть в этом влияние субъективного фактора – нравственную ущербность, порочность людей, готовых во имя своих властолюбивых устремлений, находясь во власти низменных страстей, разжигать пожар гражданской войны, поднимать мятежи, давать начало всевозможным смутам, к чему их может толкать и стремление избежать наказания за ранее совершенное преступление, наличие всякого рода имущественных проблем, приступы безумия. Отвергая подобные действия, чреватые гибелью для республики, Цицерон обличает ее врагов, наполняя свои речи различными понятиями, посредством которых раскрывает их нравственный облик, характеризует действия, совершаемые ими. Одним из таких понятий выступает понятие *audacia* (*audacia*) – «дерзость», «наглость», употребляемое в сочетании со словами, обозначающими различного рода преступные деяния (*caedes*, *crimen*, *facinus* и т.д.). При этом Цицерон указывает, что проявление наглости обусловлено желанием получить как можно больше денег, но своим результатом может иметь гибель людей, общества, государства [5; с.17]. Так же достаточно часто для обличения недостойных деяний низменных помыслов людей, приобщенных к власти и ведущими борьбу за обладание ею, Цицерон использует понятие «либидо» (*libido*) в сочетании с этическими категориями

(*audacia*, *avaritia* и др.), имеющими отрицательную смысловую нагрузку. В собственно политическом смысле таким образом Цицерон характеризует деяния недостойного правителя, вершащего произвол, а в более узком смысле речь идет о «телесной страсти, противопоставленной душевному наслаждению» [2; с.29]. Для обозначения всего положительного в социально-политической жизни, противоположного тому, что предстает как «либидо», он использует понятие *lex* (закон), *aequitas* (равенство перед законом) и др., антогонистичными по своему содержанию понятиям «произвол» и «насилие» [2; с.30].

Следует отметить, что проблема нравственной деградации общества поднималась многими философами и политическими мыслителями Рима. Так, еще Катон Старший (II-III вв. до н.э.) указывал на то, что забвение нравственных норм, которым более привержены предшествующие поколения, грозит римскому народу тяжелыми последствиями, а упоминаемый выше Полибий писал, что наряду с внешними причинами, способствующими разрушению государства, существуют внутренние, к числу которых он относил падение нравов, обусловленное ростом властолюбивых настроений, спесивостью и расточительностью. Сходные суждения высказывал римский историк Саллюстий, упоминая о нравах и установлениях предков (*instituta majorum*) гражданской общины (*de moribus civitatis*), позволявших им осуществлять государственное управление (*rem publicam habuerint*).

Что же касается Цицерона, то адресуя свои разящие инвективы разрушителям римской республиканской государственности, он выражал уверенность, что она могла бы существовать вечно при условии, если бы все граждане жили по заветам и обычаям отцов (*res publica poterat esse perpetua, si patriis viveretur institutis et moribus*). В этом же духе выдержано другое высказывание Цицерона о том, что своим происхождением римское государство обязано нравам (*mores*) и мужам (*viri*) [18; с.307]. Оба эти образа корреспондируются друг с другом, поскольку правитель должен был быть идеальным гражданином, на что указывали еще греческие философы, наделившими его добродетелями, возникших в условиях полисной государственности. В Риме во времена, когда он еще сам представлял собой лишь город-государство, предполагаемый греками образ идеального гражданина, был воспринят и синтезирован с тем, что возник на основе ценностных установок, характерных для римского полиса. Этот идеал обозначался как *Vir bonus*. Соответствие ему предполагало наличие всевозможных личностных качеств и добродетелей (*virbutes*), проявленных в различных сферах деятельности, в том числе политической, и получивших одобрение со стороны сограждан. Первоначально это словосочетание означало «хороший хозяин», «гражданин, опытный в общественных делах», но со временем оно приобретает нравственный смысл («муж добра») [9; с.185]. Как отмечает С.Л. Утченко, это понятие было применимо не только для описания образа «земледельца, но и воина и государственного деятеля» [19; с.185]. Более того, даже ценностные представления, лежащие в основе этого понятия, не были утрачены даже после того, как Рим расстался со своим полисным прошлым и обрел имперское «настоящее».

Что же касается образа правителя как гражданина, наделенного государственной властью, то по установке римских авторов, формировались под влиянием идеи меритократии, выдвинутой все теми же греками, согласно которой управление в государстве должны осуществлять наиболее знающие и мудрые люди. Так, по словам Сократа, поскольку управление государством есть великая добродетель и искусство, то царями и правителями

должны быть те, кто знает, как править. Эту же мысль развивает Платон, утверждавший, что властью в идеальном государстве должны обладать философы, а также склонный считать, что такое государство может возникнуть из тирании, во главе которой будет стоять молодой и знающий правитель.

Подчеркивая, что к нравственному разложению подвержены, как правители, так и простой народ, Цицерон, как отмечает А.М. Брагова, выход «из сложившейся ситуации видит в улучшении нравов (*mores*), в проведении некоей нравственной реформы» [6]. Ее влияние должно затронуть все уровни государственной власти: монархический (консул, магистраты), аристократический (сенат) и демократический (трибуны и народные комиции), с тем, чтобы все государственные мужи служили безопасности и благосостоянию граждан. Согласно идее Цицерона, идеальная государственная власть воплощает справедливость, благодеяния, благоразумие, величие духа, умеренность – все то, что определяется понятием *virtus* (доблесть), что позволяет ей управлять государством и обладать авторитетом (*auctoritas*).

Размышления римских философов и политических деятелей о несовершенствах существующего государственного устройства и людских пороках продолжением имели разработку вопроса о качествах, которыми должен обладать идеальный гражданин и идеальный правитель. Более конкретен в своих размышлениях о добродетелях идеального правителя Салюстий, образцом для подражания которого выступают Катон и Цезарь. Если Катону, отмечает он, присущи безупречность жизни, суровость, постоянство, умеренность, нравственная чистота, стремление соревноваться с другими людьми в проявлении доблести, скромности, воздержанности и бескорыстия, то Цезарю были присущи щедрость, милосердие и сострадание, благотворительность, трудолюбие, готовность поддерживать друзей, даже в ущерб собственным интересам, в сочетании со стремлением к власти и готовность проявить свою доблесть, командуя армией на поле боя [19; с.209-210].

Что же касается Цицерона, то, согласно его определению, нравственные качества, которыми должен обладать правитель, – это мужество (*virtus*), милосердие (*dementia*), справедливость (*justitia*) [19; с.212]. Обращаясь к данному вопросу Цицерон разработал свою концепцию, одним из идейных оснований которой выступает негативное отношение к установлению долгосрочной диктатуры, что нашло выражение в «терминологии, применяемой им для обозначения правителя» [7; с.1]. В зависимости от смыслового контекста Цицерон использует термин ректор (*rector*) – правитель, действующий во благо государства, аристократ-реформатор; *princeps* – инициатор неких деяний, и первый по рангу, *auctor* – руководитель, *tutor* – защитник, *procurator* – управитель государства, *gubernator* – кормчий государственного корабля, *moderator* – управляющий, *conservator* – охранитель. Обозначая терминологически отдельные аспекты деятельности правителя, Цицерон подчеркивает, что он должен быть благоразумен (*prudens*), склонен к обучению и познанию нового (*cogitio*), быть справедливым и добродетельным к римским гражданам. Как пишет А.М. Брагова, «цицероновский правитель представляет собой наилучшего человека из среды аристократов, который благодаря своим исключительным качествам способен вывести римскую республику из кризиса» [7; с.1].

Несмотря на то, что создание Цицероном образа идеального правителя было напрямую связано с его стремлением сохранять в Риме республиканские формы правления, в литературе, посвященной данному вопросу, представлена точка зрения, согласно которой в действительности речь идет об идейном обосновании установления новой формы правления

– принципата. Аргументом в пользу этого утверждения выступает то, что терминология используется Цицероном для обозначения качеств, которыми должен обладать идеальный правитель, отчасти совпадает с той, что использовалась императором Октавианом Августом, характеризовавшим содержание провозглашенной им политики – мужественность (*virtus*), милосердие (*clementia*), справедливость (*justitia*), благочестие (*pietas*). Подтверждением монархической переориентации Цицерона якобы служило то, какие термины и определения он подбирал для обозначения политического статуса лица, осуществлявшего государственное управление (*rector rei publicae*) [18; с.303]. Однако подобные сходства и совпадения свидетельствуют о наличии доминирующей, а скорее даже безальтернативной тенденции в сфере государственно-политических отношений, суть которой заключалась в том, что выход из затянувшегося кризиса, переживаемого сенатской аристократической республикой был сопряжен с переходом правления в руки правителя, обладающего огромными властными полномочиями. И если Цицерон, используя термин «принцепс», возможно был бы не против увидеть во главе государства просвещенного правителя, наделенного полномочиями, сопоставимыми с теми, что римляне в трудные для республики времена представляли должностным лицам, именуемых диктаторами, то большая часть представителей господствующего класса поддержала установление имперского правления, представлявшего собою монархию элементами военной диктатуры, камуфлируемой формальным сохранением некоторых республиканских атрибутов. По словам Г.С. Кнабе, «Дальше так государство жить не могло, и после ряда попыток установления режима единоличной власти, способного покончить с войнами, развалом и распрями, <...> Рим перешел в 40-е годы к новому государственному строю, увидеть торжество которого, весь его блеск и всего тени Цицерону суждено не было» [12].

Политическая наука Древнего Рима

Утверждение имперской государственности существенным образом повлияло на состояние политической науки. Так, подвергается сомнению правильность утверждения о предпочтительности государственного устройства со смешанной формой правления. В этом отношении показательна позиция Тацита, писавшего, что «всеми государствами и народами правят или народ, или знатнейшие, или самодержавные властители», а «получивший образ правления, который сочетал бы и то, и другое, и третье, легче превозносить на словах, чем осуществлять на деле, а если он и встречается, то не может быть долговечным» [15; с.123].

Вопросы, касающиеся природы государства, закономерностей, определяющих длительность его существования и направленность политических процессов, поднимались и представителями римского стоицизма (Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет), опиравшихся в своих размышлениях на положения, выдвинутые их греческими предшественниками. Особую популярность учение стоиков приобретает в I-II в. до н.э. в условиях, когда Римская империя, раскинувшись на трех континентах, удерживала под своей властью множество народов, при том что дистанция между этой властью и рядовым гражданином по сравнению с былыми временами неизмеримо увеличивалась как в прямом, так и переносном смысле слова. Это обстоятельство способствовало формированию нового типа мировосприятия, изменило представления людей о месте в системе государственно-политических отношений, тех социальных добродетелях, носителями которых они должны быть. Неудивительно, что у римских стоиков не первый план выходят проблемы морального характера – смысл жизни, покаяние, ценностные установки, призванные влиять на человеческое поведение, что

наложило заметный отпечаток на их истолкование природы политики, государства, права, понятия, выражения, термины, используемые для их описания и анализа. Ключевые из них – «судьба» – право природы, которому подчинены все человеческие установления, само государство и его законы.

В эпоху Римской империи проблем государственного управления рассматривавшихся под углом зрения ценностей «Вечного Рима», всеобщего и универсального порядка – обозначаемого термином *taxis* [13; с.268]. При этом одной из наиболее значимых задач, стоящих перед императорами, была легитимизация собственной власти, обоснование правильности и разумности проводимого политического курса, утверждаемых правовых институций и норм. В эпоху принципата этому должно было служить провозглашение императора, первым сенатором принцепсом, отличающимся от всех прочих и масштабом авторитета и всевозможными гражданскими заслугами. Однако в скором времени начинает утверждаться культ императоров, «отождествляемых с солнцем и соединяющих в себе черты боговдохновенного мудреца, пророка, справедливого правителя и полководца» [13; с.268], что определяло специфику политической жизни, когда политический строй империи получил определение доминат, поскольку верховный правитель империи начинает именоваться доминусом – господином. Его возникновение способствует утверждению новой политической идеологии и в рамках которой понятие «космополис», как обозначающее единое мировое естественное государство, членами которого являются все люди. По словам Сенеки, необходимо представить два государства: одно включает в себя богов и людей, а его границы «мы измеряем движением солнца», другое же – это то, к которому нас приписала случайность и оно касается не всех людей, а только определенные группы [1; т.1, ч.1, с.507]. Эти установки в сознании правителей Рима и их окружения могли соседствовать и определенным образом влиять на видение ими проблем.

Заключение

Подводя итоги сказанному следует отметить, что римская политическая наука в своем движении по пути познания политики как одного из наиболее значимых созидательных феноменов, изначально отталкивалась в своих исканиях от проблематики, обозначенной греческими философами, используя выработанные ими понятийно-категориальный аппарат и терминологию, достигли впечатляющих результатов.

Масштабы, сложность, противоречивость политических процессов и явлений, имевших место в огромном Римском государстве, потребовали от политической науки их теоретического осмысления, совершенствования методов исследования политической реальности, способствовали обогащению научного языка новыми понятиями и терминами латинского происхождения, а их многообразие и семантические возможности стали значимым фактором, определяющим их присутствие в вокабуляции современной политологии.

Литература

1. *Богатов В.В.* Антология мировой философии: в 4 т. 1969-1972. М.: Мысль.
2. *Брагова А.М.* Понятие *libido* в оценке Цицерона [Электронный ресурс] // *Juvenis Scientia*. 2017. № 8. С. 28-31. DOI: 10.15643/jscientia.2017.8.007
3. *Брагова А.М.* Понятие «государство» в сочинениях Цицерона [Электронный ресурс] // Самарский научный вестник. 2016. № 1(14). С. 93-37. DOI:

<https://doi.org/10.17816/snv20161204>

4. Брагова А.М. Социально-политическое содержание понятия «otium» в сочинениях Цицерона [Электронный ресурс] // *Juvenis Scientia*. 2017. № 1. С. 45-47. DOI: 10.15643/jscientia.2017.1.013
5. Брагова А.М. Текстологический анализ употребления понятия «audacia» в трудах Цицерона [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2017. № 3. С. 17. DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00004
6. Брагова А.М. Цицерон о падении нравов и необходимости нравственной реформы в Римской республике I в. до н.э. [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2. С. 1-8. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00001
7. Брагова А.М. Цицероновский образ правителя [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2016. № 4. С.1. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00002
8. Веселовский И.Н. Цицерон. Диалоги: О государстве. О законах. 1966. М.: Наука, 224 с.
9. Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Язык политической науки античной Греции [Электронный ресурс] // *Язык и текст*. 2019. Том 6. № 4. С. 9–15. DOI:10.17759/langt.2019060402
10. Грималь П. Цицерон. 1991. М.: Молодая гвардия, 544 с.
11. Доманина С.А. Многозначность понятия в трудах римских авторов эпохи поздней республики [Электронный ресурс] // *Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского*. 2012. № 1(2). С. 56-59. URL: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1\(2\)/12.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1(2)/12.pdf) (дата обращения: 02.02.2022).
12. Егоров А.Б. Античная демократия и римская политическая система (античные и современные политические теории) [Электронный ресурс] // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2009. № 4. С. 34-47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnaya-demokratiya-i-rimskaya-politicheskaya-sistema-antichnye-i-sovremennye-politicheskie-teorii> (дата обращения: 02.02.2022).
13. Кнабе Г.С. Проблема Цицерона // *Цицерон*. 1991. М.: Молодая гвардия, 544 с.
14. Огурцов А.Г. Политика // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3*. 2010. М.: Мысль, С. 268-272.
15. Тронский И.М. Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т.1. 1969. СПб.: Наука, 393 с.
16. Тронский И.М. Корнелий Тацит. Сочинения: В 2 т. Т.2. 1969. СПб.: Наука, 369 с.
17. Трухина Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). 1986. М.: МГУ, 183 с.
18. Тыжов А.Я. Полибий. Всеобщая история. 2-е изд. 1994-1995. СПб.: Ювента, 424 с.
19. Утченко С.Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. 1969. М.: Наука, 324 с.
20. Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима. 1977. М.: Наука, 256 с.

References

1. Bogatov V.V. *Antologiya mirovoi filosofii: in 4 vol.* 1969-1972. Moscow: Mysl'. (In Russ.).
2. Bragova A.M. Ponyatie libido v otsenke Tsitserona [The concept of libido in Cicero's assessment]. *Juvenis Scientia*, 2017, no. 8, pp. 28-31. DOI: 10.15643/jscientia.2017.8.007 (In Russ.).
3. Bragova A.M. Ponyatie «gosudarstvo» v sochineniyakh Tsitserona [The concept of "state" in Cicero's writings]. *Samarskii nauchnyi vestnik=Samara Scientific Bulletin*, 2016, no. 1(14), pp. 93-37. DOI: <https://doi.org/10.17816/snv20161204> (In Russ.).

4. Bragova A.M. Sotsial'no-politicheskoe sodержanie ponyatiya «otium» v sochineniyakh Tsitserona [Socio-political the content of the concept of "leisure" in the writings of Cicero]. *Juvenis Scientia*, 2017, no. 1, pp. 45-47. DOI: 10.15643/jscentia.2017.1.013 (In Russ.).
5. Bragova A.M. Tekstologicheskii analiz upotrebleniya ponyatiya «audacia» v trudakh Tsitserona [Textual analysis of the use of the concept of "daring" in the writings of Cicero]. *Studia Humanitatis*, 2017, no. 3, pp. 17. DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00004 (In Russ.).
6. Bragova A.M. Tsitseron o padenii npravov i neobkhodimosti npravstvennoi reformy v Rimskoi respublike I v. do n.e. [Cicero on the decline of morals and the need for moral reform in the Roman Republic of the I century BC]. *Studia Humanitatis*, 2016, no. 2, pp. 1-8. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00001 (In Russ.).
7. Bragova A.M. Tsitseronovskii obraz pravatelya [The Ciceronian image of the ruler]. *Studia Humanitatis*, 2016, no. 4, pp.1. DOI: 10.24411/2308-8079-2016-00002 (In Russ.).
8. Veselovskii I.N. Tsitseron. Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh. 1966. Moscow: Nauka, 224 p. (In Russ.).
9. Vititnev S.F., Shmeleva A.V. Yazyk politicheskoi nauki antichnoi Gretsii [The language of political science of ancient Greece]. *Yazyk i tekst=Language and text*, 2019. Vol. 6, no. 4, pp. 9–15. DOI:10.17759/langt.2019060402 (In Russ.).
10. Grimal' P. Tsitseron. 1991. Moscow: Molodaya gvardiya, 544 p. (In Russ.).
11. Domanina S.A. Mnogoznachnost' ponyatiya v trudakh rimskikh avtorov epokhi pozdnei respubliki [The ambiguity of the concept in the works of Roman authors of the late Republic era]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im N.I. Lobachevskogo=Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 2012, no. 1(2), pp. 56-59. Available at: [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1\(2\)/12.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/99999999_West_2012_1(2)/12.pdf) (Accessed 02.02.2022). (In Russ.).
12. Egorov A.B. Antichnaya demokratiya i rimskaya politicheskaya sistema (antichnye i sovremennye politicheskie teorii) [Ancient democracy and the Roman political system (ancient and modern political theories)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta=Bulletin of St. Petersburg University*, 2009, no. 4, pp. 34-47. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/antichnaya-demokratiya-i-rimskaya-politicheskaya-sistema-antichnye-i-sovremennye-politicheskie-teorii> (Accessed 02.02.2022). (In Russ.).
13. Knabe G.S. Problema Tsitserona. *Tsitseron*, 1991. Moscow: Molodaya gvardiya, 544 p. (In Russ.).
14. Ogurtsov A.G. Politika. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: in 4 vol. Vol. 3*. 2010. Moscow: Mysl', pp. 268-272. (In Russ.).
15. Tronskii I.M. Kornelii Tatsit. Sochineniya: in 2 vol. Vol. 1. 1969. Saint-Peterburg: Nauka, 393 p. (In Russ.).
16. Tronskii I.M. Kornelii Tatsit. Sochineniya: in 2 vol. Vol. 2. 1969. Saint-Peterburg: Nauka, 369 p. (In Russ.).
17. Trukhina N.N. Politika i politiki «zolotogo veka» Rimskoi respubliki (II v. do n.e.). 1986. Moscow: MGU, 183 p. (In Russ.).
18. Tyzhov A.Ya. Polibii. Vseobshchaya istoriya. 2-e izd. 1994-1995. Saint-Peterburg: Yuventa, 424 p. (In Russ.).
19. Utchenko S.L. Drevnii Rim: Sobytiya. Lyudi. Idei. 1969. Moscow: Nauka, 324 p. (In Russ.).
20. Utchenko S.L. Politicheskie ucheniya drevnego Rima. 1977. Moscow: Nauka, 256 p. (In Russ.).

Вититнев С.Ф., Шмелева А.В.
Язык и проблематика политической науки Древнего
Рима
Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 35–48.

Vititnev S.F., Shmeleva A.V.
The Language and Problems of the Political Science of
Ancient Rome
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 35–48.

Информация об авторах

Вититнев Сергей Федорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МО МГОУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Information about the authors

Sergey F. Vititnev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science, Moscow Region State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6462-8775>, e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6105-9407>, e-mail: lug-anna@yandex.ru

Получена 01.03.2022
Принята в печать 15.03.2022

Received 01.03.2022
Accepted 15.03.2022